

Несколько раз она открывала рот, но слова застревали в горле. Она слегка прикусила губу и жестом попросила повторить вопрос. Её маленькая тайна была раскрыта, и ей отчаянно хотелось набраться смелости и выкрикнуть свои истинные чувства.

Однако в конечном счёте реальность расходилась с желаниями. Между ними пролегла пропасть, и такие чувства могли лишь навредить другой.

— Ацю, я тебе нравлюсь? — дыхание Ли Тан сперлось. — Я не знаю, нравлюсь ли я тебе, но ты давно уже в моём сердце!

Ли Тан приготовилась к худшему. Если та не питает к ней таких чувств, она будет молча хранить её со стороны.

Ши Чжицю кивнула. Её глаза были полны решимости и доверия, а также любви столь пламенной, что, казалось, она вот-вот поглотит собеседницу, — и эта любовь хлынула наружу, устремившись к Ли Тан.

Под зонтиком два сердца неистово трепетали, жаждая сблизиться и страшась этого. Все взаимные чувства в этом мире проходят через взаимные испытания, и они по крупичкам приближались друг к другу.

Неизвестно, чьё дыхание первым коснулось другого.

Ли Тан крепко обняла её. Зонтик сполз вниз, скрыв картину, от которой учащённо бились сердца.

— Ацю, Ацю... — каждый слог звучал, словно крик заблудившегося ребёнка, нашедшего, наконец, дом. «Я встретила тебя, словно корабль, скитавшийся десять тысяч ли, наконец-то вернулся в гавань».

Скитающееся сердце с этой минуты обрело покой.

Кончиками пальцев Ли Тан нежно выводила черты этого прекрасного, словно картина, лица, боясь, что всё это — мираж.

— Ацю, если полюбишь меня, то это уже на всю жизнь, — сказала она.

Она думала: «Если бы можно было моргнуть — и время пролетело, чтобы мы посидели и состарились вместе».

И боялась: «Времени так мало, нельзя в полной мере вкушать его прелесть. Такую поэтичную красавицу — и одной жизни разве хватит?»

Она тихо и глупо улыбалась, влюблённо глядя на Ши Чжицю.

В конце концов, Ши Чжицю, раздосадованная, наступила ей на ногу, выведя из состояния блаженного оцепенения.

«Дурочка, пора есть», — Ши Чжицю потрясла ланч-боксом и потащила её к учебному корпусу.

Ей было жаль эту дурочку, которая к такому времени ещё и не поела!

В классе 9-го «А» на месте Ли Тан сидел статный юноша. Ши Чжицю, не понимая, жестами спросила: «Места поменяли?»

Ли Тан покачала головой, и на губах её всё ещё играла глупая улыбка.

— Ли Тан, ты вернулась! Быстро, иди сюда, объясни мне эту задачу! Сажу над ней уже полдня, и ни одной мысли! — хозяином этого стана был небрежно одетый юноша. На белой рубашке расстёгнуты три пуговицы, обнажая смуглую кожу груди.

Увидев Ли Тан, он тут же сунул ей свой тестовый лист.

— Давай быстрее, как решать? Уже весь мозг сломал, чёрт возьми, такая сложная!

Ли Тан взяла листок и начала обдумывать решение. Обнаружив, что задача простая, она невольно усмехнулась.

Увидев её уверенный вид, юноша с резкими чертами лица тоже позволил себе улыбнуться, а затем внутренне разозлился на свою глупость.

Рука Ши Чжицю отыскала на теле Ли Тан нежное место — на её тощем теле едва можно было нащупать хоть немного мякоти, — и Ши Чжицю изо всех сил ущипнула её.

Ли Тан лишь глупо ухмылялась, не понимая, в чём дело.

Затем она повернулась к Юй Чи и бросила ему торжествующий взгляд: «Гляди! Это моя Ацю, красивая, да?»

И подумать не могла, что её взгляд приобрёл в глазах Ши Чжицю совсем иное значение.

Этого юношу Ши Чжицю видела однажды — на той автобусной остановке. Она помнила, как они тогда оживлённо беседовали, и невольно крепче сжала кулаки.

Ли Тан тяжело хлопнула Юй Чи по плечу с видом человека, делящегося великой гордостью:

— Это моя девушка, Ши Чжицю, которую у нас из-под носа увели в гуманитарный класс.

В классе было мало народу: двое спали, положив головы на парты, остальные же были эти трое.

Хотя Ли Тан и говорила с гордостью, голос её был негромок, и услышали её лишь Ши Чжицю и Юй Чи.

В ту эпоху о гомосексуальности задумывались лишь немногие, некоторые же относились к ней с презрением, а были и активные гомофобы.

Улыбка Ши Чжицю распустилась, как цветок, на лице её расцвела радость. Она достала бумажку, на которой было написано её имя, и развернула её перед Юй Чи.

Сердце её переполнялось счастьем.

На задних партах восемнадцатого класса ученики в основном лежали, уткнувшись в столы, и спали. На первых рядах сидели смиренно, но, увы, ловили в облаках, не понимая ни слова.

Один юноша, хоть и сидел сзади, всем сердцем стремился вперёд, внимательно слушая учителя, старательно записывая незнакомые задачи и быстро отмечая ключевые моменты по ходу мысли преподавателя.

К концу урока спина его полностью промокла.

— Чи-гэй, ты понимаешь, о чём этот учитель толкует? — подсевший сзади безалаберный ученик увидел исписанную целую страницу конспектов.

— Не понимаю, — честно ответил Юй Чи.

Услышав это, ученик обрадовался.

— Чи-гэй, раз не понимаешь, зачем тогда всё это записывать? Скоро гаокао, нам, таким как мы, можно и пожить в своё удовольствие.

Юй Чи не стал с ним связываться, лишь крепче сжал ручку и открыл свою голубоватую тетрадь.

Почерк был изящным.

Он вспомнил девушку из обеденного перерыва. Та показалась знакомой, будто он видел её где-то раньше.

— Девушка Ли Тан.

Эти слова он отлично расслышал, но до сих пор чувствовал странность. Как две девушки могут быть вместе?

Лесбиянки?

В его прямолинейном мозгу всплыли лишь эти два слова, но тут же его внимание привлекли записи на столе. А тот ученик рядом всё болтал и болтал, действуя на нервы.

Он схватил книгу соседа по парте и швырнул её назад. Попал точно в цель.

— Кто, кто это?! Какой негодяй?! — сосед по парте проснулся от удара.

Тот ученик, получивший книгой по лицу, завопил:

— Ай, больно! — в руках он сжимал книгу соседа Юй Чи по парте.

Его сосед по парте резко посмотрел на него, и так началась бессмысленная потасовка.

Наверное, в юности без сумасбродств не обойтись.

Юй Чи махнул рукой, скрыв заслуги и имя.

И снова погрузился в море знаний.

Что до истории Ши Чжицю и Ли Тан... пусть себе радуются, раз им так хочется.

—

Одним радость, другим печаль.

Семейная чета Ли сидела за обеденным столом в мрачном настроении.

Пятьдесят тысяч для них были годовым заработком тяжким трудом.

Гао Мяньюфан ела, и каждый кусок сопровождался вздохом. Уплетая одну за другой несколько мисок риса, она то и дело ворчала:

— Братец, это же пятьдесят тысяч! Как ты мог отдать их этой девке!

— Пятьдесят тысяч! Наша лавка за год столько не зарабатывает!

Ли Чен же действительно не мог проглотить ни куска. Хотя в те времена всё было сделано тайно, он почему-то чувствовал, что старшая дочь должна была что-то подслушать, иначе откуда бы ей знать, что дом записан на её имя?

Чем больше он думал, тем больше робел, и пот ручьями стекал по его лицу. Те пятьдесят тысяч в обед пришлось отдать — вдруг это было лишь предупреждением со стороны Ли Тан?

«Однажды сошёлся — навек связан», он и подумать не мог, что та баба окажется такой хрупкой, один лёгкий удар и...

— Братец, что с тобой? Неужто жарко? Почему весь в поту? — Гао Мяньюфан, увидев, как с Ли Чена градом катится пот, поспешила протянуть ему несколько салфеток.

За столько лет брака она никогда не видела его в таком состоянии.

— Пусть берёт деньги, раз уж жить ей осталось недолго, — прошептал Ли Чен, дрожа. — В конце концов, от денег, что её мать оставила, ещё кое-что осталось.

Произнеся это, он почувствовал себя немного лучше.

Чего он боялся? Та баба уже умерла, и её дочь тоже скоро отправится на тот свет.

Когда они обе умрут, никто уже не узнает правду.

А потом... он захотел переехать. Ему постоянно казалось, будто в доме на него смотрят чужие глаза.

Чем больше думал, тем страшнее становилось.

— Именно потому что старшая доченька скоро умрёт, и отдавать ей деньги не стоит, она же их только промотает! Братец, ты неправильно поступил, — Гао Мяньюфан, видя его состояние, будто охваченного страхом, не удержалась от вопроса:

— Братец, что-то случилось? Как...

— Нет, я... просто думаю, может, продать этот дом, да и лавку заодно, и уехать куда подальше,
— рука Ли Чена, державшая палочки, дрожала.

— Продать? Зачем продавать? А жить где будем? — Когда речь зашла о продаже, Гао Мянфан первой выступила против. Такой большой дом и лавка, да ещё в таком хорошем месте — продашь, и потом придётся ветер с севера глотать.

Ли Чен смотрел на эту бабу, которая сейчас посмела ему перечить, и в душе его поднялась ни с чего волна гнева. Он видел, как её губы шевелятся, всё шире и шире, но звуки её слов постепенно переставали до него доноситься.

<http://bllate.org/book/15496/1374004>